

Глава первая

Я ужасно устал и замерз. И еще мне было страшно. Красный и зеленый навигационные огни озаряли паруса зловещим свечением. А дальше расстилалась бездна бесконечной и абсолютной тьмы, из которой доносилось тихое шуршание моря. Я вытянул занемевшие ноги, посасывая кусок ячменного сахара. Над моей головой покачивалась призрачная арка парусов, повторяя все движения «Морской Ведьмы», то поднимающейся на гребень волны, то плавно соскальзывающей вниз. Ветер был таким слабым, что продвижение нашего корабля вперед было едва заметным. И все же волны, поднятые мартовскими штормами, накатывались с неослабевающей силой, и я остро осознал, что это всего лишь затишье. Шестичасовой прогноз не сулил ничего хорошего. В районе Роколла, Шеннона, Соула и Финистерра ожидалась штормовые ветра. Подсветка компаса едва рассеивала мглу, которая окутала яхту, почти слившуюся с липким мраком ночи. Я так часто представлял себе эти минуты. Но стоял март, и после пятнадцати часов болтанки на волнах Ла-Манша радость обладания своим собственным судном улетучилась. Ее поглотил холод. Из темноты замерцал накатывающийся на корму белый бурун. Ударившись о яхту, он оросил мое лицо веером брызг и с шипением сполз обратно, в черноту

позади корабля. Бог ты мой! Как холодно! Холодно и промозгло, и ни звездочки на небе.

Дверь штурманской рубки распахнулась, на мгновение явив моему взгляду освещенную кают-компанию, на ярком фоне которой темнела одетая в штормовку массивная фигура Майка Дункана. Обеими руками он сжимал дымящуюся кружку.

— Как насчет бульона?

Жизнерадостное веснушчатое лицо Майка внезапно вынырнуло из ночи. В свете нактоуза¹ оно, казалось, плавало во мраке, отделившись от тела. Он улыбнулся из складок своей балаклавы, протягивая мне кружку.

— А здесь после камбуза довольно свежо. — Но тут улыбка сползла с его лица. — Какого черта! Это еще что такое? — Он смотрел вверх моего левого плеча, уставившись на что-то позади и чуть левее кормы яхты. — Это точно не луна, как ты считаешь?

Я резко развернулся. На самой границе видимости появилось зеленоватое холодное свечение. При виде этого призрачного сияния, мигом заставившего припомнить рассказы бывалых моряков обо всех странных и пугающих событиях, происходивших с ними в море, у меня даже дыхание перехватило.

Свет становился все ярче, разгораясь каким-то потусторонним фосфоресцирующим заревом и напоминая своим мертвенно-холодным мерцанием раздувшегося до невероятных размеров светляка. Внезапно он сгустился, превратившись в узкий зеленый луч, и я заорал Майку:

---

¹ Нактоуз (от нидерл. *nachthuis* — «ночной домик») — ящик, в котором расположен судовой компас, а также некоторые другие навигационные инструменты. Ящик защищает компас и другие инструменты от действия внешней среды. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

— Фонарь, живо!

Это был огонь правого борта огромного парохода, и этот пароход шел прямо на нас. Сквозь туман тускло светились фонари палубного освещения, а спустя секунду до нас донесся приглушенный пульсирующий гул двигателя, напоминающий низкий рокот тамтама.

Луч системы «Олдиса» пронзил ночь, ослепив нас отраженным блеском густого тумана, незаметно подкравшегося к нам со всех сторон. Сквозь это сияние едва виднелась белая пена буруна от волны, вздымаемой носом приближающегося судна. Через мгновение мы разглядели и смутные очертания самого парохода. И вот уже он перед нами, похожий на корабль-призрак, возникший из тумана и нависший над нами всей своей громадой. Я отчаянно крутанул штурвал.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем «Морская Ведьма» повернулась, после чего кливер наполнился и развернул ее еще сильнее. И все это время я слышал оглушительный шорох идущей на нас волны.

— Он в нас врежется! Господи! Он в нас врежется!

У меня до сих пор звенит в ушах этот хриплый и пронзительный крик Майка. Он мигал «Олдисом», направив луч на капитанский мостик парохода. Вся судовая надстройка была ярко освещена, вспышки фонаря отражались от стеклянных иллюминаторов. И весь этот громадный пароход продолжал с грохотом надвигаться на нас со скоростью в добрых восемь узлов. Казалось, он не собирается ни останавливаться, ни менять курс.

Грота-гик и бизань-гик угрожающе затрещали. Кливер уже откинулся назад. На мгновение я оставил его в этом положении, наблюдая за тем, как поворачивается нос яхты. Весь корпус «Морской Ведьмы», от длинного бушприта до верхушки грот-мачты, был озарен зеленым сиянием правого бортового огня парохода, повисшего прямо над нами. Я потравил левый

кливер-шкот и начал выбирать правый, чувствуя, как наполняется парус. И тут снова раздался вопль Майка:

— Осторожно! Держись!

На нас с ужасающим грохотом обрушилась стена вспененной воды. Она пронеслась через кокпит, приподняв меня над сиденьем, и мне пришлось изо всех сил вцепиться в штурвал, чтобы меня не смыло в море. Паруса описали безумный полукруг, из-за чего утлегарь и часть гота на мгновение оказались под уходящей волной. Пока тонны воды бушевали у нас на палубе, мимо чудовищным утесом скользил борт парохода.

«Морская Ведьма» медленно выпрямилась, и вода белой пеной ринулась за борт. Я все еще держался за штурвал, а Майк не выпускал из рук бакштаг и во все горло выкрикивал проклятия. Его голос был едва слышен на фоне громохота двигателей парохода. Но тут в ночь вторгся еще один звук — ритмичный плеск винта, наполовину погруженного в воду.

Я заорал, чтобы предостеречь Майка, но он уже осознал эту новую опасность и снова включил «Олдис». В его ослепительном свете мы увидели изъеденную ржавчиной обшивку корпуса парохода. Тут с нами поравнялась корма, и мы увидели лопасти винта, хлещущие по волнам и взбивающие воду в пенные водовороты. «Морская Ведьма» задрожала, и ее паруса обвисли. Затем она соскользнула с волны и оказалась совсем рядом с этой чудовищной мельницей. Теперь лопасти едва не задевали наш левый борт. Хлопья белой пены полетели на крышу каюты и на паруса.

Все это длилось ровно секунду, а затем этот отчаянно барахтающийся в волнах винт удалился в темноту за нашим бушпритом, а «Морская Ведьма» заплясала на волнах в кильватере парохода. Луч системы «Олдиса» выхватил из мрака его название — «Мэри Дир», Саутгемптон. Мы

ошарашенно смотрели на эти тающие в ночи покрытые ржавыми потеками буквы, а затем они внезапно исчезли, поглощенные мраком. Еще какое-то время до нас доносился тихий пульсирующий рокот двигателей судна, но вскоре стих и он. Лишь запах гари остался витать в сыром морском воздухе.

— Ублюдки! — завопил Майк, внезапно обретя дар речи. — Ублюдки! — снова и снова повторял он.

Дверь рубки скользнула в сторону, и на пороге возникла фигура. Это был Хэл.

— Ребята, вы в порядке?

Его немного чересчур спокойный и чересчур бодрый голос слегка дрожал.

— Ты что, не видел, что тут произошло? — заорал Майк.

— Все я видел, — отозвался Хэл.

— Они не могли нас не заметить. Я светил фонарем прямо на капитанский мостик. Если бы они несли вахту и смотрели по сторонам...

— Я не думаю, что они смотрели по сторонам. Если честно, мне показалось, что на мостике вообще никого не было.

Он произнес это так тихо, что до меня не сразу дошло, что из этого следует.

— Что ты имеешь в виду — никого не было на мостике? — спросил я.

Он вышел на палубу.

— Это произошло перед тем, как нас накрыла носовая волна. Я почувствовал что-то неладное, но успел добежать только до штурманской рубки. Я оказался перед иллюминатором, и прямо передо мной был капитанский мостик, на который светил луч «Олдиса». Мне показалось, что там никого нет. Во всяком случае, я никого не увидел.

— Но, господи боже мой, — прошептал я. — Ты понимаешь, что ты говоришь?